

МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ БРЭДДОН

ТАЙНА ЛЕДИ ОДЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Л. Таулевич*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Брэддон, Мэри Элизабет.

Б89 Тайна леди Одли : [роман] / Мэри Элизабет Брэддон ; [пер. с англ. Л. Таулевич]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-164085-9

Вернувшись домой после трех лет на австралийских золотых приисках, Джордж Талбойс выясняет, что его красавица жена Элен скоропостижно скончалась. Пытаясь справиться с горем, Джордж принимает приглашение своего друга Роберта посетить имение его дяди — богатого и уважаемого лорда Одли, недавно женившегося на молодой гувернантке. Однако, прибыв в поместье и увидев портрет новоиспеченной леди Одли, Джордж впадает в нервное состояние, а на следующее утро бесследно исчезает. Роберт начинает подозревать, что исчезновение Джорджа как-то связано с новой леди Одли. Но что скрывает новобрачная?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-164085-9

 Школа перевода В. Баканова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава I ЛЮСИ

Поместье притаилось в ложине, что славилась первоклассным строевым лесом и роскошными пастбищами. К дому вела длинная липовая аллея, по обе стороны от которой зеленели пышные луга; пасущиеся там быки и коровы устремляли на путников пытливые взоры из-за высокой живой изгороди, словно интересуясь, что им нужно, ведь рядом не проходило никаких проезжих дорог, и если вы не направлялись непосредственно в Одли-Корт, то вам тут вовсе нечего было делать.

В конце аллеи возвышалась старинная башня с арочным проходом и диковинными, сбивающими с толку часами: их единственная стрелка каждые шестьдесят минут рывком перескакивала с одной цифры на следующую. Пройдя под сводами арки, вы сразу же попадали в сады Одли-Корта.

Перед вами расстилалась мягкая, шелковистая лужайка с рассыпанными там и сям кустами рододендронов — необыкновенно яркими и сочными, других таких во всем графстве было не найти. Справа — огороды, пруд с рыбой, фруктовый сад, окаймленный пересохшим рвом и полуразрушенной кре-

постной стеной, которая густо заросла плющом, желтой заячьей капустой и темно-зеленым мхом. Слева пролегла широкая дорожка, по которой в давние времена, когда здесь располагался монастырь, прогуливались рука об руку смиренные монахи. Стену окружали сумрачной завесой почтенные дубы, оживлявшие своими очертаниями плоский ландшафт.

Старый дом, выстроенный без всякого плана, стоял фасадом к арке, буквой П. Окна отличались невиданным разнообразием: маленькие и побольше, с массивными рамами и разноцветными витражами, со старинными хрупкими решетками, дребезжащими от малейшего дуновения ветра, и совсем новые с виду, словно появились только вчера. Над острыми коньками крыши возвышался целый лес дымовых труб. Создавалось впечатление, что в силу почтенного возраста и долгих лет службы они давно рухнули бы вниз, не удерживай их в своих объятьях вездесущий плющ, добравшийся и до крыши. Парадная дверь втиснулась в угол башни, будто прячась от непрошенных гостей. При всем том она явно имела благородное происхождение — сработанная из старого дуба, обитая громадными железными гвоздями с квадратными шляпками, такая толстая, что на удар тяжелого металлического молотка отзывалась лишь невразумительным глухим звуком, и гости знали, что следует, не теряя понапрасну времени, прибегнуть к помощи колокольчика, скрытого в зарослях плюща: никакой стук не пробьется сквозь эту несокрушимую твердыню.

Славная, глубокая старина! Попадая сюда, посетители обычно приходили в неопишуемый восторг

и испытывали непреодолимое желание покончить с прежней жизнью и остаться здесь навсегда: разглядывать тенистый пруд, считать пузыри, когда плотва и карпы подплывают к поверхности воды... Его величество покой возложил свою ласковую длань на каждое дерево и цветок, на сонный пруд и тихие аллеи, на темные углы старомодных комнат с широкими подоконниками за цветными стеклами, на сочные луга, даже на полуразрушенный колодец в кустах, праздный ворот которого давно уже никто не поворачивал, бечевка сгнила, а ведро обрело последнее пристанище на дне. Знатное место — дом, где немудрено заблудиться всякому, кто опрометчиво решит проникнуть в его тайны в одиночку. Ни одна комната не связана с другой, любое помещение переходит в другое, внутреннее, и через него можно выйти по узкой лестнице к двери, которая, в свою очередь, возвращает вас в самую неожиданную часть дома, от которой вы находились дальше всего. До такого не додумался бы ни один архитектор, это жилище мог создать лишь старый добрый зодчий — время. То пристроит новую комнату, то уберет другую, то разрушит очаг, помнивший династию Плантагенетов, и возведет на руинах камин в стиле Тюдоров, а то развалит стену времен саксонского владычества и пощадит арку, возведенную в эпоху норманнов. С годами дом обзавелся узкими высокими окнами времен королевы Анны, а в дополнение к трапезной времен Вильгельма Завоевателя получил столовую в стиле ганноверской династии. За одиннадцать столетий своего существования дом превратился в удивительный архитектурный феномен, подобного которому не найти во всем Эссексе.

Имелись в особняке и потайные комнаты, как же без них. Как-то в детстве дочь нынешнего владельца, сэра Майкла Одли, случайно обнаружила такую секретную каморку. Девочка играла в детской, и вдруг у нее под ногами треснула половица, после чего обнаружилось, что там есть ступеньки, ведущие в тайную комнатушку между полом детской и потолком комнаты, находящейся под ней. Тайник оказался настолько маленьким, что в нем можно было только лежать, однако там нашелся старинный дубовый сундук, а в нем лежало полное облачение католического священника, припрятанное в ужасные времена, когда принадлежность к этой религии грозила смертью.

Давно пересохший внешний ров зарос травой, нависшие над ним ветви плодовых деревьев отбрасывали причудливые тени на склон. По внутреннему периметру рва, как я уже говорила, был выкопан рыбный пруд, вдоль которого тянулась липовая аллея, так густо затененная кронами деревьев, будто сама природа устроила тут место для тайных свиданий. Невзирая на относительную близость к дому, здесь вы могли, не опасаясь разоблачения, хоть готовить государственный переворот, хоть обмениваться любовными клятвами.

В конце аллеи, в непролазных зарослях кустарников и сорных трав, прятался старый колодец. В свое время он хорошо потрудился: хлопотливые монашки собственноручно извлекали из его недр студеною воду. Потом он пришел в упадок, и никто в Одли-Корте не помнил, жив ли питающий его ручей. Несмотря на уединенность липовой аллеи, ею давно никто не пользовался в романтических целях.

Прохладными вечерами сэра Майкл Одли частенько выходил на прогулку, дымя сигарой. У него под ногами вертелись собаки, а рядом выступала прелестная молодая жена. Однако проходило каких-нибудь десять минут, и супругов начинал утомлять шепот лип над неподвижным прудом с водяными лилиями, и они возвращались домой, в гостиную, где миледи играла мечтательные мелодии Бетховена и Мендельсона до тех пор, пока супруг не засыпал в кресле.

Баронет Одли женился вторично три месяца спустя после достижения пятидесяти шести лет. Высокий, статный мужчина с глубоким звучным голосом и выразительными черными глазами, непоседливый, как мальчишка, и все еще считавшийся лучшим наездником графства, он чрезвычайно огорчился, глядя на свою седую бороду, выдававшую возраст. Сэр Майкл вдовел целых семнадцать лет, и его единственная дочь Алисия, которой недавно исполнилось восемнадцать, явно не горела желанием делить Одли-Корт с мачехой. С раннего детства мисс Алисия властвовала в доме безраздельно. Она носила в карманах шелковых передников все ключи, теряла их в кустах и роняла в пруд, причиняя тем самым немало хлопот домочадцам, и со временем свято уверовала в то, что на ней держится весь дом.

Однако с появлением мачехи власть мисс Алисии закончилась. Теперь, о чем бы ни просила дочь баронета экономку, та неизменно отвечала, что необходимо обратиться к миледи, и девушка получала желаемое только с согласия новой жены отца. Поняв это, Алисия, прекрасная наездница и неплохая художница, стала проводить большую часть времени на природе, гарцуя по зеленым лугам и заполняя

альбом рожищами деревенских детей, а также изображениями коров, быков и всякой другой живности, попадавшей на пути. В отношениях с молодой супругой баронета она раз и навсегда взяла неприязненный тон, и миледи, несмотря на все свое дружелюбие, не могла победить предвзятость юной падчерицы или убедить избалованную девчонку в том, что она не стремилась нанести ей личное оскорбление, выйдя замуж за сэра Майкла.

По правде говоря, это замужество представляло собой весьма выгодный союз, который неминуемо вызывал зависть, а то и ненависть представительниц слабого пола. Будущая леди Одли приехала в Эссекс, чтобы стать гувернанткой в семье врача, проживающего в соседней деревушке. Никто не знал о ней ничего, кроме того, что она прибыла из Лондона, откликнувшись на объявление доктора Доусона, помещенное в «Таймс». Единственная рекомендация удостоверяла, что мисс Люси Грэм работала учительницей в Бромптоне; впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы доктор Доусон принял девушку в свой дом и сделал наставницей своих дочерей. Оставалось лишь удивляться тому, что гувернантка со столь выдающимися и многообразными талантами согласилась на столь скромные условия. Мисс Грэм совершенно удовлетворяло ее положение. Она разучивала с девочками сонаты Бетховена, учила писать пейзажи с натуры и по воскресеньям ходила в скромную церквушку с таким умиротворенным видом, словно мечтала прожить так до конца своих дней.

Местные жители, понаблюдав за ней, решили, что девушка с таким добрым и легким нравом будет счастлива в любых обстоятельствах.

Где бы ни появлялась Люси Грэм, она несла с собой радость и свет. Когда она входила в бедную хижину, казалось, что под нищенскую кровлю заглядывает солнечный луч. Побеседовав с четверть часа с какой-нибудь жалкой старухой, она так радовалась восхищению беззубой кошелки, словно все это время выслушивала комплименты от маркиза. Когда она уходила, не дав ни гроша (скромное жалованье не оставляло места щедрости), старуха посылала вслед такие похвалы ее благородству и доброте, каких не удостоивала и свою главную благотворительницу, жену викария. Мисс Люси Грэм обладала волшебной властью — очаровывать словом и опьянять улыбкой. Все вокруг ее любили и перевозносили до небес. Мальчишка, открыв ей ворота, вприпрыжку бежал домой, спеша поведать матери, каким ангельским голосом поблагодарила его удивительная девушка за маленькую услугу. Церковный служка, провожавший ее до скамьи, где сидело семейство доктора, викарий, видевший ее нежные голубые глаза, устремленные на него, когда он читал проповедь, носильщик с железнодорожной станции, доставлявший ей время от времени письмо или посылку, не требуя вознаграждения, наниматель, его гости, ученицы, прислуга — все единогласно соглашались, что Люси самая замечательная девушка на белом свете.

Должно быть, слухи эти проникли в тихие комнаты Одли-Корта или сэра Майкл заметил маленькое личико девушки в церкви — так или иначе, он почувствовал вдруг неодолимое желание поближе познакомиться с гувернанткой доктора Доусона.

Он намекнул о своем желании достойному доктору, который устроил у себя небольшой прием, пригласив викария с супругой и баронета с дочерью.

В тот тихий вечер решила участвовать сэра Майкла. Он не мог более противиться очарованию голубых глаз, грациозной лебединой шеи и склоненной головки под водопадом пышных волос, тихой музыке нежного голоса, гармонии женской прелести, которой была с лихвой наделена эта девушка, не мог идти против судьбы. Да, это судьба! Никогда прежде он не любил. Брак с матерью Алисии представлял собой лишь скучную сделку, призванную сохранить имение в руках семьи. Никакие силы не могли раздуть слабую искорку любви к первой жене до яркого пламени. И вот пришла настоящая любовь — с томлением, сомнениями и беспокойством, с мучительным страхом, что возраст может стать неодолимой преградой на пути к счастью. Сэр Майкл вновь всеми фибрами души возненавидел свою седую бороду и почувствовал неистовое желание вернуть молодость, шевелюру цвета воронова крыла и тонкую, как двадцать лет назад, талию. Потекли бессонные ночи и унылые дни, которые скрашивало только любимое лицо, случайно мелькнувшее в окне, когда баронет проезжал мимо докторского дома. Все эти многочисленные симптомы указывали на горькую правду: в солидном, трезвом возрасте пятидесяти пяти лет сэра Майкла Одли поразил ужасный недуг, именуемый любовью.

Вряд ли баронет, ухаживая за девушкой, сознательно рассчитывал на свое богатство и положение в обществе. Если подобные мысли и приходили ему в голову, то он гнал их прочь, содрогаясь от отвращения. Мысль о том, что очаровательное и невинное существо способно прельститься домом и титулом, приносила ему невыносимые страдания. Нет, он надеялся, что молодая девушка (никто в точности не

знал, сколько ей лет, однако предполагали, что чуть более двадцати), не видевшая в жизни ничего, кроме тяжкого труда и зависимости, еще ни к кому не испытала глубокой привязанности и он, первый мужчина, окруживший ее нежной заботой, вниманием и покровительством, напомним ей отца, которого она, вероятно, потеряла, сумеет стать необходимым, завоевать ее юное сердце и заполучить руку. Несомненно, то были романтические грезы, и все же нашему герою подобное развитие событий казалось вполне реальным. Что касается Люси Грэм, то она словно не замечала авансов баронета и никогда не прибегала к уловкам, которые применяют женщины, стремясь поймать в свои сети богатого мужчину. Она привыкла к всеобщим восторгам, и поведение сэра Майкла не производило на нее особого впечатления. Опять же, сэр Майкл вдовел так долго, что никто уже и не чаял увидеть его под венцом второй раз. В конце концов миссис Доусон решилась заговорить об этом с гувернанткой. Они сидели в комнате для школьных занятий. Супруга врача держала в руках вышивку, а Люси наносила последние штрихи на акварельные наброски учениц.

— А известно ли вам, дорогая мисс Грэм, — промолвила миссис Доусон, — что вы должны считать себя редкой счастливицей?

Гувернантка подняла прелестную головку от акварели и удивленно взглянула на хозяйку, потрянув золотистыми кудрями. Когда на них падало солнце, эти восхитительные кудряшки, мягкие и пушистые, образовывали сияющий нимб вокруг ее головы.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, погрузив кисточку из верблюжьей шерсти в аквамарин на

палитре и осторожно проведя ею по лиловой полосе, чтобы подчеркнуть линию горизонта на рисунке.

— Я хочу сказать, милочка, что вам ничего не стоит стать леди Одли, то бишь хозяйкой Одли-Корта.

Люси уронила кисточку на рисунок и покраснела до корней волос, а затем смертельно побледнела.

— Да не волнуйтесь вы, — утешила ее докторская жена, — никто не заставит вас выйти замуж за сэра Майкла Одли силой. Разумеется, это был бы замечательный союз. У сэра Майкла солидный доход, и он самый щедрый мужчина в округе. Вы заняли бы высокое положение и могли бы сделать много добрых дел. Но, как я уже сказала, вы должны руководствоваться только собственными чувствами. Добавлю одно: если знаки внимания с его стороны вам неприятны, то не совсем честно с вашей стороны поощрять дальнейшие ухаживания.

— Внимание... ухаживания? — обескураженно проворчала Люси. — О чем вы, миссис Доусон? У меня и в мыслях не было... Я и вообразить не могла...

Девушка умолкла и глубоко задумалась, облокотившись о стол и обхватив голову руками. Она носила на шее узкую черную ленточку то ли с медальоном, то ли с крестиком, а может, с миниатюрой, однако всегда прятала безделушку под платьем и сейчас, нервно сжав спрятанный на груди предмет, сказала:

— Видите ли, миссис Доусон, некоторые люди рождены под несчастливой звездой. Для меня было бы слишком большой удачей стать леди Одли.

Она произнесла это таким горестным тоном, что супруга доктора посмотрела на нее с искренним удивлением.

— Это вы-то несчастливы! — воскликнула миссис Доусон. — Не гневите бога! Вы талантливая, жизнерадостная девушка, на вас смотреть приятно... Честное слово, не знаю, что мы станем делать, когда сэра Майкл вас похитит.

Впоследствии они не однажды возвращались к этой теме, и Люси никогда больше не выдавала своих чувств, когда речь заходила о восхищении баронета. В докторском семействе молчаливо решили, что как только сэра Майкл сделает предложение, гувернантка, само собой, его примет: для девушки без состояния упустить такой шанс — величайшая глупость.

Однажды туманным августовским вечером сэра Майкл, сидя рядом с Люси Грэм у окна в маленькой гостиной доктора, воспользовался тем, что хозяйева оставили их одних, и открыл девушке свое сердце. Немного словно, однако весьма торжественно он попросил ее руки. Было нечто трогательное в его поведении и самоуничижительном тоне, ведь он понимал, что вряд ли может рассчитывать на взаимность чувств молодой красавицы, и скорее желал отказа, пусть даже грозящего ему разбитым сердцем, чем согласия без любви.

— Нет большего греха, чем идти замуж без любви, Люси, — серьезно заявил он. — Поскольку вы мне дороги, я не хотел бы, несмотря на свое сердечное желание и страх разочарования, чтобы вы совершили такой грех ради моего счастья. Брак, продиктованный любыми мотивами, кроме искренности и любви, обречен на неудачу.

Люси Грэм смотрела не на сэра Майкла, а вдаль, в туманные сумерки над садом, и баронет, видя толь-

ко профиль девушки, не мог уловить выражения ее глаз. Если бы ему это удалось, он увидел бы тоскливый взгляд, устремленный не к горизонту, а гораздо дальше, в бесконечную неизвестность, в иной мир.

— Люси, вы слышите меня?

— Да, — печально отозвалась она.

Впрочем, в ее тоне не проскользнуло ни холода, ни обиды.

— И каков ваш ответ?

Несколько мгновений она сидела молча, не отрывая взгляда от темнеющего пейзажа. Затем повернулась к сэру Майклу с неожиданной страстью, которая осветила ее лицо новой, чудесной прелестью, заметной даже в нарастающей мгле, и упала перед ним на колени.

— Нет, Люси, нет! — горячо запротестовал он. — Не надо, прошу вас, не здесь!

— Нет, здесь, — промолвила она с необыкновенной страстностью, не громко, но сверхъестественно отчетливо, — и только здесь! Как вы добры, щедры, благородны! Полюбить вас! Женщина в сто раз красивее и добродетельнее меня могла бы полюбить вас от всей души. Но вы ждете от меня слишком многого. Только подумайте, какую жизнь я вела. С самого раннего детства я не видела ничего, кроме бедности. Отец мой был джентльменом — умным, образованным, великодушным, красивым и... нищим. Мать моя... Впрочем, позвольте мне о ней умолчать. Бедность и лишения, унижения и потери. Нет, при вашей спокойной и обеспеченной жизни вам не понять, не прочувствовать всего, что пережила я. Не требуйте от меня слишком многого. Поймите, я не могу быть бескорыстной, я не настолько

слепа, чтобы не видеть благ, что сулит мне такой союз. Нет, я не могу! Не могу!

За ее возбуждением, за этой страстной горячностью скрывалось нечто такое, чему трудно было дать точное определение и от чего баронет почувствовал смутную тревогу. Меж тем Люси по-прежнему стояла на коленях у его ног, чуть ли не ползала перед ним. Тонкое белое платье разметалось по полу, светлые волосы падали на плечи, большие голубые глаза блестели в сумерках, а руки сжимали черную ленточку, словно та ее душила.

— Вы слишком многого от меня ждете, — повторила она.

— Люси, скажите прямо, я вам отвратителен?

— Нет, вовсе нет!

— Вы любите другого?

— Я никого не люблю, — расхохоталась она. — Никого в целом свете.

Баронет обрадовался, хотя смех девушки ранил его чувства. Помолчав немного, он нерешительно произнес:

— Что ж, Люси, я не буду требовать от вас слишком многого. Да, я старый романтичный болван, но если я не вызываю у вас отвращения и если вы не любите другого, то не вижу причин, почему бы нам не составить вполне счастливую пару. По рукам, Люси?

— Да.

Баронет поцеловал ее в лоб, после чего, спокойно пожелав доброй ночи, торопливо удалился.

Он поспешил уйти, глуповатый стареющий джентльмен, поскольку испытывал странное чувство — не радость, не торжество, а нечто вроде разочарования. Неудовлетворенное желание сдавлива-